

Трансформация парадигмы информационной войны в современных условиях

Научный руководитель – Пырма Роман Васильевич

Белугина Надежда Борисовна

Аспирант

Финансовый университет, Москва, Россия

E-mail: belugina.nb@gmail.com

Сегодня информация является одним из стратегических ресурсов. Наряду с процессами роста взаимозависимости социально-политических явлений на глобальном уровне происходит расширение спектра конфликтов в современной системе мировой политики и угроз международной безопасности, что находит отражение и в информационной сфере.

Впервые понятие «информационная война» в научный оборот ввел Томас Рона, советник по науке Министерства обороны США и Белого дома, в 1976 г. в отчете «Системы оружия и информационная война» [5]. С его практических разработок информация стала рассматриваться как один из видов стратегического оружия. В 1994 г. Р. Шафрански в работе «A Theory of Information Warfare» акцентировал внимание на войне знаний, целью которой является атака на эпистемологию противника [7].

Формы и модели ведения информационной войны за свою историю претерпели качественные изменения. К настоящему моменту роль ИКТ и СМИ многократно возросла: использование информации прошло путь от вспомогательного элемента физических войн до важнейшего средства достижения военно-политических целей государств.

Анализ современных конфликтов позволяет экспертам говорить о войнах нового типа, среди которых особым образом выделяются гибридные войны. В военно-политическом контексте феномен гибридной войны может охватывать широкий диапазон событий, относимых к войне, и действий, осуществляемых противником, поскольку современный тип противостояния носит диверсифицированный характер. Концептуальная идея «гибридных войн» раскрывает комбинированный характер противоборства, предполагающий возможность использования акторами как традиционных, так неконвенциональных военных методов и средств для достижения целей. А.В. Манойло отмечает, что появление в научном дискурсе термина «гибридная война» привело к тому, что широкий спектр известных форм и механизмов вооруженной борьбы стали объединять и приписывать новой категории, которая представляет собой своеобразную надстройку над возникшими ранее в научном дискурсе традиционными физическими, психологическими, информационными, сетевыми, прокси-войнами, сетевыми войнами и цветными революциями [3]. Впервые же сам термин «гибридная война» в научный оборот ввел Уильям Дж. Немет в 2002 году [6]. В условиях гибридного общества возникла гибридная форма ведения военных действий, которая сочетает в себе элементы регулярной и нерегулярной войны в высшей степени гибким и эффективным способом.

Важно отметить, что понятие «гибридной войны» в академический дискурс было введено конструктивистами, которые проанализировали особенности современных конфликтов [2; 19]. Согласно данной позиции, основная суть «гибридной войны» состоит в том, что она представляет собой конфликт между политическими объединениями по поводу символов. Таким образом, в данном контексте следует говорить скорее о борьбе за устойчивые стратегические преимущества посредством постепенного конструирования новой социальной реальности и различных дискурсов о ее месте в политическом процессе, о

роли вовлеченных в него акторов. Таким дискурсам придается роль инструмента легитимации.

Предметом информационной войны в рамках парадигмы гибридной войны становится вопрос о легитимности противоборства, что подразумевает использование всего спектра методов информационного воздействия - от PR-инструментов до агитации и открытой пропаганды.

Ключевой особенностью информационно-коммуникационного компонента информационной войны на современном этапе является тот факт, что эксперты различных аналитических центров в Европе и США все-таки приписывают России обращение к избирательным формам воздействия на противника, что позиционируется как «гибридная война», и поиск новых каналов выстраивания коммуникации. Анализ показал, что информационная политика РФ на современном этапе исследуется на Западе по двум направлениям: разворачивающуюся в традиционных средствах массовой информации и ориентированную на так называемые «новые медиа» - электронные СМИ и социальные сети. Деятельность негосударственных акторов - особенно в киберпространстве - позиционируется как один из ключевых аспектов дестабилизирующей деятельности России на мировой арене.

Виртуализация массового сознания на современном этапе развития ИКТ значительно расширяет формы и механизмы политической коммуникации в обществе. В условиях возрастания социальной роли Интернета сетевое пространство попадает в поле политики как объект управления и как инструмент воздействия на общественное сознание. В ситуации информационного противоборства воздействующая функция социальных медиа заметно усилилась. Социальные медиа в таком контексте выступают в качестве невоенного инструментария войны, а также институционального поля, которое содержит значительное количество реальных угроз для информационной безопасности Российской Федерации. В частности, одним из инструментов формирования общественного мнения является использование так называемых «киберсимулякров» (функционирующих в интернет-пространстве виртуальных личностей, симулирующих репрезентацию реально существующих сетевых пользователей [1]) и деятельность «диванных войск» (активная часть пользователей социальных сетей, вовлеченных в виртуальный конфликт [4]).

Источники и литература

- 1) Володенков С.В. Киберсимулякры как инструмент виртуализации современной массовой политической коммуникации // Информационные войны. 2014. № 4(32). С. 18-21.
- 2) «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П.А. Цыганкова. – М.: Издательство Московского университета, 2015.
- 3) Манойло А.В. Гибридные войны и цветные революции в мировой политике // Право и политика. 2015. № 7. С. 918-929.
- 4) Шатилов А.Б. «Диванные войска» как новая форма информационно-пропагандистского сопровождения политических и военных конфликтов в начале XXI в. // Власть. 2014. № 7. С. 57.
- 5) Rona T. Weapon systems and information war. Boeing Aerospace Co., Seattle, WA, 1976.
- 6) Nemeth W.J. Future War and Chechnya: A Case for Hybrid Warfare. URL: http://calho.un.nps.edu/bitstream/handle/10945/5865/02Jun_Nemeth.pdf?sequence=1
- 7) Szafranski R. Theory of Information Warfare: Preparing For 2020. URL: http://www.airpower.au.af.mil/airchronicles/apj/apj95/spr95_files/szfran.htm